

ДИНАМИКА РЕЛИГИОЗНОЙ ТРАДИЦИИ В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ: ВОЗДВИЖЕНИЕ КРЕСТА В КОМИ СЕЛАХ

Рассматриваются традиция воздвижения отдельно стоящих (монументальных) крестов у коми-зырян в XX–XXI вв., ее бытование в различные исторические периоды. Описаны и проанализированы частные случаи установления крестов, связанные с ними ритуальные практики. Основываясь на архивных данных и собственных полевых материалах, автор приходит к выводу, что, несмотря на десятилетия вытеснения религии из публичной жизни, воздвижение креста воспринималось и воспринимается сельским сообществом как один из действенных способов взаимодействия с сакральным. В настоящее время традиция воздвижения креста связана не только с религиозной, но и с общественной жизнью сельского социума.

Ключевые слова: монументальный крест; православие; религиозные практики; коми-зыряне.

Изучение православной традиции воздвижения крестов ведется в рамках ставрографических изысканий, развивающихся в исторической и искусствоведческой плоскостях [1. С. 6; 2], фольклорно-этнографических исследований почитаемых сельских святынь. Деревенские святыни, по мнению исследователей, являются составной частью этнокультурной традиции, определяющей структурирование территории [3. С. 145–179; 4]. В то же время они представляют собой не только реальные объекты, но и «процесс трансляции текстов в пространстве и времени» [5. С. 61], устойчивые ритуальные традиции [6. С. 67], а также выстраивают определенную систему социальных статусов [7, 8]. В православной традиции возведение креста являлось одним из распространенных вариантов «приобретения» местом статуса святого [4. С. 26]. Исследователи выделяют типы крестов, определяют их функции, статус, описывают связанные с ними ритуальные практики, существовавшие и существующие в разных регионах России [9–11]. Особое внимание уделяется классификации памятников, отмечается, что отнесение того или иного конкретного креста к определенному типу осложняется его полифункциональностью, в связи с чем в работах под одним названием могут оказаться разные типы памятников и наоборот [2. С. 29–42]. Почитаемые святыни коми-зырян не раз становились объектом изучения этнографов и фольклористов в рамках исследования религиозных традиций отдельных этнографических групп [12–14], в контексте храмовых и заветных праздников [15, 16]; предприняты попытки классифицировать и описать отдельные группы памятников [17, 18].

В предлагаемой статье рассматриваются традиция воздвижения отдельно стоящих (монументальных) крестов у коми в XX–XXI вв., ее бытование в различные исторические периоды (борьба с религией и «религиозными пережитками», «возрождение традиций», современность). Описываются и анализируются частные случаи установления крестов, связанные с ними ритуальные практики. В работе использованы отчеты сотрудников отдела этнографии 1960–1970-х гг., хранящиеся в научном архиве Коми научного центра, а также полевые материалы автора (интервью с информантами, личные наблюдения, фото), собранные ходе этнографических экспедиций

1999–2009 гг. в различных районах Республики Коми. В начале XX в. фактически все жители Коми края¹ были православными: здесь насчитывалось 177 православных храмов, 235 часовен, 3 монастыря [19. С. 173]. Кроме того, действовали и старообрядческие моленные дома, часовни, скиты [20. С. 222–228]. В конце XIX – начале XX в. возведение монументальных крестов было обычной практикой, распространенной во всех районах проживания коми. «У зырян существует обычай ставить в лесах и на полях, около селений и в самих селениях деревянные кресты, у которых в известные дни они служат молебны. Каждый поселенец на новом месте первым делом ставит такой крест» [21. С. 49]. Ежегодно в праздничные дни проходили крестные ходы, у крестов устраивали молебны [21. С. 49, 50; 22. С. 204].

Ситуация коренным образом меняется в 1920–1930-е гг.: к 1941 г. на территории Коми АО не осталось действующих храмов, в 1940–1950-е гг. по просьбам верующих было открыто два православных храма и два молитвенных дома [23. С. 78, 81]. Ю.В. Гагарин отмечал, что религиозность сельского населения была выше, нежели городского; в качестве факторов, обеспечивающих сохранение православных традиций, в разных районах края обозначил влияние церкви (с. Иб), старообрядчества (Вашка, верхняя Печора, верхняя Вычегда), местных религиозных практик (*бурсылысь-я*² на верхней Вычегде, «неофициальные служители культа») [20. С. 306, 309, 311, 312]. Как и в других сельских районах России, среди коми широко распространилась практика внехрамовых богослужений у почитаемых святынь. Вели эти службы пожилые женщины, обладавшие необходимыми знаниями (порядок ведения, молитвы). Несмотря на антирелигиозную кампанию, неотъемлемой частью которой было физическое уничтожение культовых построек, во многих селах их удавалось сохранять [15].

С середины 1980-х гг. происходит изменение религиозной ситуации, «возрождение традиций» связывают, в первую очередь, с «возрождением православия». За последние двадцать лет значительно увеличилось число сельских приходов, активно восстанавливаются храмы, здания которых постепенно возвращают Церкви, строятся новые. Существенно возрастает влияние священников на религиозную жизнь села [24. С. 171, 174].

Рис. 1. Местечко *Крес ув*, Коптюга, Удорский район Республики Коми, 2006 г. Фото В.В. Власовой

Рис. 2. Крест с молитвенным обращением Святителю Николаю, дер. Муфтыга, Удорский район Республики Коми, 2006 г.
Фото В.В. Власовой

Монументальные кресты в советский период. Воздвижение креста по решению деревенского сообщества в благодарность Богу, по обету, за полученную свыше помощь в конкретном памятном случае было распространенной практикой на европейском севере России [2. С. 48]. **Обетные кресты** сохранялись в различных сельских районах на протяжении XX в. Они были разной формы и величины (восьми-, шестиконечные, с двухскатной кровлей и без нее; от полутора до двух с половиной метров). Приведем несколько примеров.

Обетный крест в местечке *Крес ув* (букв. под крестом) находится недалеко от деревни Коптюга (р. Вашка, Удорский район). Кто и когда установил этот крест – неизвестно. Старейшие жители деревни, с которыми автору удалось пообщаться в 1999 г. (женщины, 1917–1918 г.р.), говорили, что крест помнят с раннего детства. С 1930-х гг., после закрытия приходского кладбища, жителей деревни стали хоронить у креста. В 1960-е гг. сюда же был перевезен купол разобранной деревенской часовни. «Церковь была в селе, а часовня (сруб с крышей. – В.В.) на кладбище. Часовню один человек построил, Анисим его звали. Анисимова часовня. В часовне был крест, большой крест. Анисим построил, чтобы крест не сгнил, не упал, да не осквернили. <...> Часовню (часть крыши с куполом. – В.В.) из деревни на кладбище увезли. Стала она рушиться, взяли голову, вертолетом спустили, потом туда перевезли» [зап. 2006 г., дер. Коптюга, Коровин В.В. 1932 г.р.]. Данный пример демонстрирует то, как со временем, под влиянием различных обстоятельств происходит изменение общего вида почитаемого места (обетный крест – крест в амбаре – крест в амбаре / кладбище – крест / кладбище / глава часовни) и ритуальных практик, с ним связанных. Жители села ежегодно посещают кладбище не только в дни поминовения, но и в день местного заветного праздника *обсьевный / общёвный* (второе воскресенье после Троицы). Праздник *обсьевный (общёвный)* проходил в деревнях Усть-Вачерга (Вашка), Кучмозерье (Мезень), где также были установлены обетные кресты, причем в Кучмозерье, как и в Коптюге, около этого креста, после закрытия приходского кладбища, возникло новое [25].

Монументальный крест, украшенный резьбой (в центре – изображение креста, орудий страстей, на перекладинах и средней части – криптограммы, на средней перекладине в крест врезан литой крест Распятие), находившийся в дер. Верхозерье (Вашка), почитался жителями окрестных деревень (утрачен в 1999 г.). «Сначала только крест был, крест хранил. Крест большой, с крышей, на нем латинскими буквами что-то написано. Потом амбар построили. Вот как сейчас дождя не было, война была. Глухой Микол за руководство да женщины, вот они построили амбар над крестом, чтобы дождь пошел. Мы называли *Сдвижение крест* (Воздвиженский крест. – В.В.). *Сдвижение* – это наш святой праздник, идешь мимо креста – перекрестишься. Если заболеешь, можешь просто так к кресту придти, без праздника. Там у креста много было материала, полотенец; заболеешь и принесешь. Я всегда туда заходила» [зап. 2006 г.,

дер. Муфтыга, Удорский р-н, Махотина М.А. 1931 г.р.].

В 1920-е гг. в нескольких селах на Ижме были установлены кресты по случаю избавления от падежа скота. Крест, установленный в дер. Косьель, был одним из немногих, сохранившихся в районе до 1970-х гг. [26. С. 39]. Обетный крест в с. Сизябск был установлен оленеводами Св. Пантелеймону с молитвой об избавлении от глазных болезней. К кресту прикладывали лоскутки, которыми затем протирали глаза [27]. По форме это восьмиконечные кресты с широкой двухскатной кровлей высотой до двух метров, на центральном брус, верхней и средней перекладинах вырезаны криптограммы; Г.П. Гунн отметил, что резьба на ижемских крестах «более скромная», чем на мезенских [26. С. 40].

В большинстве случаев с крестами, установленными сельским сообществом как знак просьбы или / и благодарности за помощь, связаны «заветные» праздники. Как правило, даже в случае уничтожения памятника (как зримого знака договора между социумом и Божественными силами) праздник продолжал существовать.

Практика установления креста по **личному обету** также сохранилась. Например, в трех километрах от дер. Коптюга (Вашка) находится местечко *Педесь керка дор* (букв. место рядом с домом Федоса), где местным жителем был установлен крест в благодарность за спасение. «В центре села жил Федосей, а во время, где-то в 1926/27 году <...> его приговорили к высшей мере наказания, на расстрел. Он молился и сказал, если мне Бог поможет, благодости крест поставлю. Его не расстреляли, дали 15 лет, он вернулся. Около *Видз ю* стоит крест. <...> Крест не на дороге, а там, где у него дом. Бажуков Федосий Егорович. Туда бабки ходили, особенно осенью, когда ходили за брусникой, когда мимо проходили с молитвой клали ягоды» [зап. 2006 г., дер. Коптюга, Коровин В.В. 1932 г.р.]. Недалеко от с. Чупрово (Вашка) у реки Ёлы крест был установлен в 1960-е гг. Наставнице местной старообрядческой общины, установившей его, было видение: шла странница в грязном платье, которая сказала, что люди утратили веру и не чтят ее, в ее праздник стирают, а грязную воду выливают ей на голову. Позже женщина поняла, что это была Параскева Пятница (часовня Параскевы Пятницы в дер. Кривое – одно из значимых почитаемых мест средней Вашки), установила на берегу реки крест, где до 2002 г. (до открытия церкви) проходили службы в девятую пятницу после Пасхи.

В XIX – начале XX в. у коми практически в каждом селе существовали **охранительные кресты**, о чем свидетельствуют путевые записи путешественников, исследователей, материалы архивов [17. С. 78, 79]. Кресты ставили, чтобы защитить деревню от природных и социальных катаклизмов (нашествия медведей, пожары, мор, эпидемии и пр.). Можно выделить два вида подобных крестов: единичные памятники и комплексы. До первой половины XX в. кресты были установлены у въезда в село, на полях, в определенные дни священник и жители селений обходили их крестным ходом, около каждого креста служился

молебен. Как отмечает Т.А. Бернштам, почитаемые места не только маркировали процесс освоения пространства, но и «как бы воспроизводили схему его первотворения, что отразилось в народных представлениях, формировавшихся под влиянием библейского пласта, в частности расселение Господом народа в указанном пространстве, установление Им пределов земли» [28. С. 316]. В советский период памятники данного типа были уничтожены, хотя память о них осталась. «Когда не было колхозов, а были свои хозяйства, на полях был большой крест, после Троицы следующий день – *Му ним лун* (букв. день имени земли). Обходили вокруг с большой иконой. На каждом холме были кресты и все их обходили, люди шли, со святой водой. Вот в 1932/33 годах жизнь и поменялась, попов убрали. А теперь опять ставят кресты» [зап. 2001 г., дер. Бадельск, Уляшева Л.С. 1928 г.р.].

В середине XX в. появляется новый (для исследуемых районов) тип памятника, который условно можно обозначить как **кресты-«заместители»**. Эти кресты выполняют функцию, близкую часовне [2. С. 57]. Подобные кресты на кладбищах зафиксированы на верхней Вычегде (села Помоздино, Пожег, Усть-Кулом, Великополье, Бадельск, Кекур, Вомынбож, Маля, Пожегдин, Усть-Нем, Мыедино). Памятники данного типа шести- и восьмиконечные, с двухскатной кровлей, от полутора до двух с половиной метров в высоту, как правило, без надписей. Их устанавливали в центре или недалеко от входа на кладбище. Особого названия (термина) для данного типа памятников выявить не удалось, в с. Пожег, рассказывая о нем, женщина охарактеризовала его как главный, большой крест (*главнй, ыджыд крест*). Описание службы у креста в с. Усть-Нем были сделаны Л.Н. Жеребцовым и Ю.В. Гагариным. Служба проходила в первой половине дня. Основными участниками были женщины разных возрастов, дети и пожилые мужчины. На стол у креста были сложены продукты, принесенные верующими (хлеб, сахар, выпечка, ягоды, варенье, зеленый лук), и деньги. Службу, продолжавшуюся несколько часов, вела одна из местных женщин. К концу службы принесли воду из источника, которую освятили: обливали нижнее наклонное перекрестие. Верующих окропили святой водой, продукты раздали всем присутствующим, после чего «каждый поклонился могилам близких и разошлись по домам» [НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 92. Л. 29, 30].

А.А. Чувьоров связывает данный тип памятников и относящиеся к нему религиозные практики с местным религиозным движением *бурсылысьяс* [29. С. 286]. Действительно, подобные кресты появились в верхневыхегодских селах, где это вероучение было распространено. В то же время воздвижение деревянного креста в деревнях, не имеющих часовен, было известно как коми [Там же. С. 312], так и северным русским [10. С. 239], а захоронения у обетного креста (см. выше данные по удорским коми), посещение кладбищ в дни престольных праздников были обычной практикой для многих коми сел. Кроме того, Л.Н. Жеребцов и Ю.В. Гагарин, хорошо знакомые с местной религиозной традицией, писали о наблюдавшейся службе как о православной.

В советский период изменяется внешний облик села: ликвидируются практически все визуальные религиозные символы (церкви, часовни, кресты и т.п.), а религиозные практики приобретают преимущественно приватный характер. Появление новых памятников связано с индивидуальными обетами (избавление от болезней, гибели), поминовением умерших. На верхней Вычегде после закрытия сельских церквей и часовен, уничтожения крестов на полях кресты-заместители объединили в себе функции обетных крестов и часовен. Как правило, они находились вне «официального пространства» – отдаленные деревни, сельские кладбища, лес. В то же время, согласно наблюдениям этнографов, в отдельных селах еще в начале 1960-х гг. на улицах стояли кресты, у которых проходили праздничные службы [НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 92. Л. 30]. В середине 1970-х гг. отношение к монументальным крестам несколько изменяется, среди исследователей формируется представление об их исторической и художественной ценности [1; 26. С. 13. С. 40], что в какой-то мере способствовало сохранению памятников.

Воздвижение крестов в конце XX в. Социально-политические преобразования середины 1980-х гг. дали людям возможность открыто выражать свои религиозные чувства, способствовали процессу религиозного «возрождения». Воздвижение креста становится весьма распространенной практикой не только в селах, но и в городах Республики Коми.

С конца 1980-х гг. во многих селах появляются новые кресты, установленные по личному обету. В дер. Ёль (Ижма) крест был установлен по просьбе молодой женщины, чей сын занимается бизнесом, недалеко от того места, где ранее стоял деревянный крест [12]. В с. Чупрово крест был установлен в 1989 г. одной из жительниц села. Ей приснился сон, в котором ее просили сделать памятник Ивану Грозному. Она долго сомневалась, так как знала, что последний был человеком жестоким, ее сомнения развеял некий ученый из Москвы / Санкт-Петербурга, который сказал, что в конце жизни Иван Грозный раскаялся и все имущество отдал церкви. После этого по ее заказу был сделан и установлен крест. Рассказы о сне были зафиксированы в 1999, 2000, 2005 гг. Записи были сделаны как со слов самой женщины, так и от других жителей села, которые считают, что этот крест был установлен как память о сыне: он рано умер, так как имя его не встречается в святцах, его не поминали в ходе служб. В праздники сюда приносят полотенца, платки и т.п., которые повязывают на крест или кладут на среднюю перекладину. На средней перекладине креста вырезана надпись «Исус Христос» (местная религиозная традиция сформировалась при сильном влиянии староверия), ниже «1988 г.» (год воздвижения креста).

Охранные кресты, практически повсеместно уничтоженные, вновь появляются в селах республики. В 1994 г. в дер. Муфтыга (Вашка) жители установили три креста, после череды несчастий, случившихся почти одновременно: полностью сгорел дом, трагически погибли два брата (один утонул, другой сгорел в лесной избушке). Жители решили, что «Бог

отвернулся от деревни», чтобы исправить ситуацию, по предложению самой старшей жительницы деревни и наставницы местной старообрядческой общины, было решено поставить кресты. Восьмиконечные кресты, с двускатной кровлей, высотой от двух до двух-двух с половиной метров, на средней перекладине вырезано молитвенное обращение на первом – Святителю Николаю (в конце села), на втором – Иконе Богородицы Неопалимая купина (в центре села, недалеко от места, где случился пожар), третий – Архангелу Михаилу (на въезде в село, у дороги) (см. рис. 2). В 2006 г. мне довелось услышать мнение, что место для второго креста выбрано неверно: часовня стояла дальше, а крест установили на месте бани. Это привело к тому, что дожди обходят деревню стороной.

В с. Чернутьево (Мезень) в середине 1990-х гг. на холме у села был восстановлен крест пророку Илии (шестиконечный крест с двускатной кровлей, без надписей, высота около двух метров), сам холм носит название *Илья кыр*. По преданию крест исстари охраняет село от пожаров и молний, он установлен напротив холма *Карнырос*, где раньше стояла часовня, а в древности находился «чудской город».

Кресты-«заместители» на кладбищах верхней Вычегды сохранились по сей день (рис. 3). В начале 2000-х гг. в тех деревнях, где не было священника, у этих крестов по-прежнему проводились службы в дни общественных поминовений и деревенских праздников. Специально из дома жители приносили иконы, которые устанавливали на столе. Приведем слова информантов. «На кладбище приходим, по праздникам, или помянуть, сначала надо подойти к главному, большому кресту. Подойдешь к нему, постучишь, помолишься: “Примете меня, я пришла, родители”. Когда уходишь, тоже подходишь, стучишь, говоришь: “Вот, я приходила”. Они принимают» [зап. 2001 г., с. Пожег, Усть-Куломский район, Кучева А.Д., 1931 г.р.]. «19 августа – это праздник, к крестам ходили, теперь ходят на кладбище, сделали крест там, стол поставили, приносят иконы, бабы наши поют там много» [зап. 2001 г., Великополье, Усть-Куломский район, Пашнина А.Д., 1918 г.р.].

Памятные кресты воздвигают на месте разрушенных церквей и часовен как напоминание о событии (чудесном явлении, деянии святого), причем инициаторами могут выступать не только верующие, Церковь, но и общественные организации и районная администрация.

В конце 1990-х гг. памятный крест был воздвигнут в трех километрах от с. Мыёльдино (верхняя Вычегда), на месте разрушенной часовни Тихвинской иконы Божией Матери, в дер. Курья-Дор на месте часовни Николая Чудотворца. По легенде сначала на том месте, где икона Тихвинской Божией Матери «вышла» на берег, поставили крест, а затем построили часовню. В годы советской власти часовня была уничтожена, на этом месте верующие установили два железных поминальных креста, рядом столик [30]. В начале 2000-х гг. при активном участии сельского священника в с. Мыёльдино было восстановлено еще несколько крестов [31. С. 188]. Функционально данные кресты

близки обетным. В 2009 г. по инициативе районной администрации и Церкви памятные кресты на местах церквей были установлены в селах Троицко-Печорск и Усть-Илыч (верхняя Печора). Это металлические кресты, на которых прикреплены таблички с фотографией храмов и списками священников, там служивших, кресты были освящены (рис. 4).

Источник *Степан ёль* в дер. Селиб (Мезень) получил известность в 1995 г., когда в районе праздновали день Коми книги, приуроченный 600-летию со дня успения Стефана Пермского. В июне 1995 г. легенда о том, что Стефан «оставил какой-то знак» у этого ключа, была напечатана в районной газете [32. С. 3]. По эскизам профессиональных художников был сделан деревянный крест, который установили у источника через несколько недель при большом стечении народа. После публикации статьи в районной газете, информация о том, что Стефан Пермский поставил на этом месте крест, распространилась среди жителей соседних сел. В настоящее время одно из названий источника – *Степан Великий Креста ва* (букв. вода возле креста Стефана Великого). В начале 2000-х гг. крест и источник были освящены местным священником.

В середине 1990-х гг. в некоторых селах Республики Коми у памятников героям Великой Отечественной войны по инициативе местных жителей появляются кресты, имеющие памятную и поминальную функции. Деревянный крест есть у памятника в дер. Половники Княжпогостского района (Вымь). В с. Пысса (Мезень) по инициативе председателя сельсовета рядом со старым памятником установили бетонный крест, на который прикрепили плиту с именами павших солдат. В с. Пучкома (Вашка) в середине 1990-х гг. у памятника установили деревянный восьмиконечный крест с двускатной кровлей (такие же устанавливаются по обету и на могилах). В 2002–2003 гг. деревянный крест обветшал и был заменен шестиконечным металлическим. Установление креста у памятника павшим воинам было значимо для местной религиозной общины [33].

Во многих сельских населенных пунктах появились мемориальные кресты жертвам репрессий, кресты на местах массовых захоронений заключенных ГУЛАГа. Увековечением памяти жертв репрессий занимаются не только общественные организации, но и местные власти, иногда инициатива исходит и от местных жителей.

Освятительные кресты в настоящее время устанавливаются сельскими священниками у почитаемых источников и других природных объектов. Отметим, что в большинстве случаев кресты, иногда и часовни стояли у этих памятников в начале XX в. Недалеко от дер. Селиб (р. Мезень) находится *Образа ёль* (букв. ключ с образом). Согласно местному преданию на дереве у источника был явлен образ Иоанна Крестителя. В начале 2000-х гг. во время освящения источника недалеко от источника был установлен крест. После освящения источника священник указал верующим, что бросать монеты («выкупать воду») не следует, несмотря на это часть местных жителей продолжает придерживаться существующей традиции, хотя помнит о словах священника.

Рис. 3. Крест-«заместитель» на кладбище дер. Кекур, Усть-Куломский район, 2001 г. Фото В.В. Власовой

Рис. 4. Установление памятного креста в пгт. Троицко-Печорск, Троицко-Печорский район Республики Коми, 2009 г. Фото В.В. Власовой

Кресты у источников были воздвигнуты в с. Иб (р. Сысола, более 12 источников: Николая Чудотворца, Феодосия Тотемского, Архистратига Михаила, Параскевы Пятницы, «Двенадцати апостолов» и др.). В дер. Эжолты (Вычегда) в 2008 г. четырехметровый крест был установлен у валуна, на котором, согласно легенде, приплыл Стефан Пермский.

Сельские священники, являющиеся инициаторами воздвижения креста (у почитаемых природных объектов, на месте разрушенных церквей), освящения существующих памятников, таким образом санкционируют почитание и в какой-то мере контролируют народные религиозные практики, которые не всегда соответствуют церковному канону (чтение заговорных текстов, «выкуп» воды и т.п.).

Несмотря на десятилетия вытеснения религии из публичной жизни, воздвижение креста воспринималось и воспринимается сельским сообществом как один из действенных способов оградить и защитить себя от различных напастей. В советский период верующие смогли сохранить отдельные кресты; более того, появились многочисленные памятники, которые были связаны с индивидуальными обетами и поминовением умерших. На верхней Вычегде кресты-«заместители» на кладбищах стали своеобразными «центрами» религиозной жизни сельского сообщества: здесь проходили не только поминальные, но и праздничные службы. Во многих

селах память о святине продолжала оставаться актуальной для конкретного сельского коллектива и после разрушения / утраты памятника, а как только появилась возможность, кресты были восстановлены.

Отметим, что форма креста (шести-, восьмиконечные, с двускатной кровлей) оказалась наиболее устойчивой: она характерна для всех сельских районов проживания коми. Размеры отдельно стоящих крестов различны (от полутора до двух с половиной метров), могут отличаться даже в пределах одного поселенческого куста. На большинстве современных крестов надписи и резьба либо отсутствуют, либо весьма упрощены.

Как было отмечено ранее, в 1930–1980-е гг. религиозные практики приобрели преимущественно приватный / частный характер, были вытеснены на периферию общественной жизни и культурного ландшафта села. В конце 1980-х гг. происходят значительные изменения в религиозной жизни села, причем инициаторами восстановления памятников (церкви, часовни, креста), как правило, были местные жители. В настоящее время инициаторами воздвижения креста могут быть не только верующие и Церковь, но и общественные организации, и местные власти, что иллюстрирует характерный для современного российского общества дрейф православной идентичности от религиозной к культурной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Коми край – районы проживания коми-зырян, входившие до первой половины XX в. в состав Архангельской и Вологодской губерний, территория современной Республики Коми.

² Бурсьилысьяс (букв. певцы добра) – религиозное движение, возникшее в конце XIX в. на верхней Вычегде, совместившее ритуальные практики официальной Церкви и русских мистических сект. Богослужения включали в себя проповеди и толкования Священного Писания, пение религиозных песен и гимнов на коми языке. Признаком особой благодати считались видения, пророческие дары [20. С. 218–222].

ЛИТЕРАТУРА

- ГнUTOва С.В. От редактора // Ставрографический сборник. Кн. II. Крест в православии / сост., науч. ред. С.В. ГнUTOва. М.: Изд-во Московской Патриархии; Древлехранилище, 2000. С. 5–11.
- Святославский А.А., Трошин А.А. Крест в русской культуре. Очерк русской монументальной ставрографии. М.: Древлехранилище, 2000. 175 с.
- Теребихин Н.М. Метафизика Севера. Архангельск: Поморский университет, 2004. 272 с.
- Иванова А.А., Калущков В.Н., Фадеева Л.В. Святые места в культурном ландшафте Пиннежья (материалы и комментарии). М.: ОГИ, 2009. 512 с.
- Виноградов В.В. Почитаемое место // Мифология и религия в системе культуры этноса. Материалы II Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: РЭМ, 2003. С. 61–63.
- Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святые Северо-Запада России. СПб.: Алетея, 1998. 305 с.
- Шепанская Т.Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север: к проблеме локальных групп. СПб.: МАЭ РАН, 1995. С. 110–175.
- Кормина Ж.В. Религиозность русской провинции: к вопросу о функции сельских святынь // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии / под ред. Ж.В. Корминой и др. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. С. 134–149.
- Черных А.В. Символы православия в топографии русской деревни (по материалам южных районов Пермской губернии) // Ставрографический сборник. Кн. I: сб. статей / науч. ред. С.В. ГнUTOва. М.: Древлехранилище, 2001. С. 293–296.
- Пермиловская А.Б. Крест в культурном ландшафте Русского Севера // Вестник Поморского университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 6. С. 86–91.
- Ермакова Е.Е., Лискевич Н.А. Сакральная география ижемцев нижнего Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (14). С. 168–176.
- Голубкова О.В. Священные кресты ижемских коми (по материалам экспедиции 2003 г. в Ижемском районе республики Коми) // Полевые финно-угорские исследования. Архив. Полевые отчеты и дневники. URL: <http://www.komi.com/pole/archive/pole/7.asp>
- Голубкова О.В. Этнокультурное взаимодействие северных коми-зырян и русских в сфере сакрального символизма // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 3. С. 101–111.
- Чувьоров А.А., Шаранов В.Э. Местночтимые святые у современных верхне-вычегодских коми // Живая старина. 2006. № 2. С. 23–26.
- Шаранов В.Э. Живая традиция: заветные и храмовые праздники у современных сельских коми // Христианство и язычество народа коми. Сыктывкар: Коми книж. изд-во, 2001. С. 148–168.
- Панюков А.В., Савельева Г.С. Храмовые и заветные праздники в Коми крае (по полевым архивным материалам) // Paleoslavica. 2006. Vol. XIV. С. 262–286.
- Чувьоров А.А., Смирнова О.Н. К типологии деревянных крестов у коми-зырян // Этническое единство и специфика культур. Материалы Первых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: РЭМ, 2002. С. 78–83.

18. Власова В.В., Шарапов В.Э. Местночтимые сельские святыни в религиозной традиции современных православных коми // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 3. Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера. Архангельск : Изд-во Помор. ун-та, 2008. С. 231–241.
19. Жеребцов И.Л., Рогачев М.Б. Религиозная ситуация в Коми крае // История Коми с древнейших времен до конца XX в. Сыктывкар : Коми книж. изд-во, 2004. Т. 2.
20. Гагарин Ю.В. История религии и атеизма народа коми. М. : Наука, 1978.
21. Засодимский П.В. Лесное царство. М. : Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1908. 143 с.
22. Безсонов Б. Поездка по Вологодской губернии в Печорский край к будущим водным путям на Сибирь. СПб. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1909. 232 с.
23. Рогачев М.Б. Время против религии. Сыктывкар : Коми книж. изд-во, 1986. 135 с.
24. Власова В.В., Шарапов В.Э. Региональное / локальное в традиции почитания Св. Параскевы у коми-зырян // Европейский Север: локальные группы и этнические границы. Сыктывкар, 2012. (Труды Института языка, литературы и истории. Вып. 71). С. 162–182.
25. Наумова И. Престольные и заветные праздники у коми (по материалам фольклорно-этнографических школьных экспедиций на Удору, Сысолу, верхнюю Вычегду в 1999 году) // Ученическое историко-краеведческое общество «Надежда науки». URL: http://uikno.narod.ru/DOC/DOKL/DOKL_N.HTM
26. Гунн Г.П. По нижней Печоре. М. : Искусство, 1979. 160 с.
27. Сивкова А. Ижемские бурки из старинного села Сизябск пользуются спросом по всей России // Республика. 2011. № 48 (4445). URL: <http://www.gazeta-respublika.ru/article.php/36160>
28. Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2005. 311 с.
29. Чувьуров А.А. Внехрамовые службы коми православного сельского населения: молебны, почитаемые сельские святыни, паломничества (традиции и новации) // «Старое» и «новое» в славянской и еврейской культурной традиции / отв. ред. О.В. Белова. М. : Сэфер, Институт славяноведения РАН, 2012. С. 282–313.
30. Суворов Е. Несбывшееся пророчество // Вера (Эском). 1999. № 344. URL: <http://www.rusvera.mrezha.ru/344/main.htm>
31. Chuvyurov A., Smirnova O. Confessional Factor in the Ethno-Cultural Processes of the Upper-Vychegda Komi // Pro Ethnologia. 15. Multiethnic Communities in the Past and Present. Tartu, 2003. С. 169–196.
32. Цынгина А. Стефан Великий – создатель коми алфавита // Виль туйод. Июнь. 1995.
33. Шарапов В.Э., Власова В.В. Символическое структурирование пространства у современных православных коми // Вестник Поморского университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 4. С. 45–49.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 июля 2014 г.

DYNAMICS OF RELIGIOUS TRADITION IN THE SOVIET AND POST-SOVIET PERIODS: EXALTATION OF THE CROSS IN THE KOMI VILLAGES

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 100–108. DOI 10.17223/15617793/390/18

Vlasova Victoria V. Komi Science Center of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: vv505@hotmail.com

Keywords: monumental cross; Russian Orthodox; religious practice; Komi-Zyrian.

The study of the Orthodox tradition of the raising of the cross is carried out within the frameworks of staurography (history of the Orthodox cross) developing in historical and art facets, folklore and ethnographic studies of the holy rural places. In Orthodoxy the exaltation of the cross was one of the most common variants of "acquiring" the holy status by a place. In this paper we consider the dynamics of the tradition of the raising of monumental crosses among the Komi-Zyrians in the 20th century: separate cases of exaltation of crosses and ritual practices associated with them. In the late 19th – early 20th centuries the exaltation of monumental crosses was wide spread in all areas inhabited by the Komi people. The situation changed radically in the 1920–1930s: churches were closed, most of the religious monuments were destroyed. As in other rural Russia's regions, veneration of holy places and church services without a priest were widespread among the Komi. Considering the various types of monuments (votive, protective, sanctifying, commemorative crosses and so-called "substitutive" crosses), the author concludes that despite the decades of displace of religion from public life, the exaltation of the cross was perceived by the rural community as one of the most effective ways to protect and defend themselves from various afflictions. During the Soviet period the faithful were able to maintain some crosses; moreover, some new monuments appeared, associated with individual vows and the commemoration of the dead. In the Soviet period, religious practices acquired mainly private character; they were pushed to the periphery of public life and the cultural landscape of the village. Significant changes occurred in the religious life of the village in the late 1980s. As a rule, local people initiated the restoration of monuments (churches, chapels, crosses). Currently, the initiators of the raising of the Holy Cross are not only believers and the Church, but also non-governmental organizations and local authorities, which illustrates drift of the Orthodox identity from religious to the cultural one in modern Russian society.

REFERENCES

1. Gnutova S.V. *Ot redaktora* [From the Editor]. In: Gnutova S.V. (ed.) *Stavrograficheskiy sbornik* [Staurography collection]. Moscow: Moscow Patriarchate; Drevlekhramilishche Publ., 2000. Book 2, pp. 5–11.
2. Svyatoslavskiy A.A., Troshin A.A. *Krest v russkoy kul'ture. Ocherk russkoy monumental'noy stavrografii* [Cross in Russian culture. Essay Russian monumental staurography]. Moscow: Drevlekhramilishche Publ., 2000. 175 p.
3. Terebikhin N.M. *Metafizika Severa* [Metaphysics of the North]. Arkhangelsk: Pomor State University Publ., 2004. 272 p.
4. Ivanova A.A., Kalutskov V.N., Fadeeva L.V. *Svyaty'e mesta v kul'turnom landshafte Pinezhiya (materialy i kommentarii)* [Holy places in the cultural landscape of Pinezhsy District (materials and commentaries)]. Moscow: OGI Publ., 2009. 512 p.
5. Vinogradov V.V. [Revered place]. *Mifologiya i religiya v sisteme kul'tury etnosa. Materialy II Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chteniy* [Mythology and religion in the culture ethnic group. Materials of II St. Petersburg ethnographic readings]. St. Petersburg: REM Publ., 2003, pp. 61–63. (In Russian).
6. Panchenko A.A. *Issledovaniya v oblasti narodnogo pravoslaviya. Derevenskie svyatyini Severo-Zapada Rossii* [Research in the field of public orthodoxy. Village shrines in Northwest Russia]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 1998. 305 p.
7. Shchepanskaya T.B. *Krizisnaya set' (traditsii dukhovnogo osvoeniya prostranstva)* [Crisis Network (tradition of spiritual development of space)]. In: Bernshtam T.A. (ed.) *Russkiy Sever: k probleme lokal'nykh grupp* [Russian North: the problem of local groups]. St. Petersburg: MAE RAN Publ., 1995, pp. 110–175.

8. Kormina Zh.V. *Religioznost' russkoy provintsii: k voprosu o funktsii sel'skikh svyaty'n'* [Religiosity of Russian province: the question of the function of rural shrines]. In: Kormina Zh.V. et al. (eds.) *Sny Bogoroditsy. Issledovaniya po antropologii religii* [Dreams of Virgin. Research on the anthropology of religion]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg Publ., 2006, pp. 134–149.
9. Chernykh A.V. *Simvoly pravoslaviya v topografii russkoy derevni (po materialam yuzhnykh rayonov Permskoy gubernii)* [Symbols of Orthodoxy in the Russian village topography (based on southern areas of the province of Perm)]. In: Gnutova S.V. (ed.) *Stavrograficheskiy sbornik* [Staurography collection]. Moscow: Moscow Patriarchate; Drevlekhranilishche Publ., 2001. Book 2, pp. 293–296.
10. Permilovskaya A.B. Krest v kul'turnom landshafte Russkogo Severa [Cross in the cultural landscape of the Russian North]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2010, no. 6, pp. 86–91.
11. Ermakova E.E., Liskevich N.A. Sacral geography of Izhemtsy from Low Ob' area. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii – Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*, 2011, no. 1 (14), pp. 168–176. (In Russian).
12. Golubkova O.V. *Svyashchennye kresty izhemsikh komi (po materialam ekspeditsii 2003 g. v Izhemskom rayone respubliki Komi)* [Holy crosses of Izhma Komi (based on the 2003 expedition in Izhma district of the Komi Republic)]. In: *Polevye finno-ugorskie issledovaniya. Arkhiv. Polevye otchety i dnevniky* [Field Finno-Ugric studies. Archive. Field reports and diaries]. Available from: <http://www.komi.com/pole/archive/pole/7.asp>.
13. Golubkova O.V. Ethno-Cultural Interaction of the Northern Komi-Zyrians and the Russians in the Realm of Sacral Symbolism. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2006, no. 3, pp. 101–111. (In Russian).
14. Chuv'yurov A.A., Sharapov V.E. Mestnochtimye svyaty'ni u sovremennykh verkhnee-vychegodskikh komi [Local shrines in modern Upper-Vychegodsk Komi]. *Zhivaya starina*, 2006, no. 2, pp. 23–26.
15. Sharapov V.E. *Zhivaya traditsiya: zavetnye i khramovye prazdniki u sovremennykh sel'skikh komi* [Live tradition cherished and temple festivals of modern rural Komi]. In: *Khristianstvo i yazychestvo naroda komi* [Christianity and paganism of the Komi people]. Syktyvkar: Komi Publ., 2001, pp. 148–168.
16. Panyukov A.V., Savel'eva G.S. Khramovye i zavetnye prazdniki v Komi krae (po polevym arkhivnym materialam) [Temple and cherished holidays in the Komi region (on field archival materials)]. *Paleoslavica*, 2006, vol. XIV, pp. 262–286.
17. Chuv'yurov A.A., Smirnova O.N. [On the typology of wooden crosses of the Komi-Zyrians]. *Etnicheskoe edinstvo i spetsifika kul'tur. Materialy Pervykh Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chteniy* [Ethnic unity and specific cultures. Proceedings of the First St. Petersburg ethnographic readings]. St. Petersburg: REM Publ., 2002, pp. 78–83. (In Russian).
18. Vlasova V.V., Sharapov V.E. [Local rural shrines in the religious traditions of contemporary Orthodox Komi]. *Pomorskie chteniya po semiotike kul'tury* [Pomor readings on the semiotics of culture]. Arkhangel'sk: Pomor State University Publ., 2008. Issue 3, pp. 231–241. (In Russian).
19. Zherebtsov I.L., Rogachev M.B. *Religioznaya situatsiya v Komi krae* [The religious situation in the Komi region]. In: Smetanin A.F. (ed.) *Istoriya Komi s drevneyshikh vremen do kontsa XX v.* [Komi history from ancient times to the end of the 20th century]. Syktyvkar: Komi Publ., 2004. Vol. 2.
20. Gagarin Yu.V. *Istoriya religii i ateizma naroda komi* [History of Religion and Atheism of Komi people]. Moscow: Nauka Publ., 1978. 326 p.
21. Zasodimskiy P.V. *Lesnoe tsarstvo* [Forest kingdom]. Moscow: Tipografiya T-va I.D. Sytina Publ., 1908. 143 p.
22. Bezsonov B. *Poezdka po Vologodskoy gubernii v Pechorskiiy kray k budushchim vodnym putyam na Sibir'* [A trip through the Vologda province in the Pechora region to the future waterways to Siberia]. St. Petersburg: T-vo R. Golike i A. Vil'borg Publ., 1909. 232 p.
23. Rogachev M.B. *Vremya protiv religii* [Time against religion]. Syktyvkar: Komi Publ., 1986. 135 p.
24. Vlasova V.V., Sharapov V.E. *Regional'noe/lokal'noe v traditsii pochitaniiya Sv. Paraskevy u komi-zyryan* [Regional / local in the tradition of honoring St. Paraskeva by the Komi-Zyrians]. In: *Evropeyskiy Sever: lokal'nye gruppy i etnicheskie granitsy* [European North: local groups and ethnic boundaries]. Syktyvkar, 2012, pp. 162–182.
25. Naumova I. *Prestol'nye i zavetnye prazdniki u komi (po materialam fol'klorno-etnograficheskikh shkol'nykh ekspeditsiy na Udoru, Sysolu, verkhnyuyu Vychegdu v 1999 godu)* [Patronal and cherished holidays of the Komi (based on folklore and ethnographic school expeditions to Udoru, Sysola, Upper Vychegda in 1999)]. Available from: http://uikno.narod.ru/DOC/DOKL/DOKL_N.HTM
26. Gunn G.P. *Po nizhney Pechore* [Along the Lower Pechora]. Moscow: Iskustvo Publ., 1979. 160 p.
27. Sivkova A. Izhemskie burki iz starinnogo sela Sizyabsk pol'zuyutsya sprosom po vsej Rossii [Izhma burqa from the ancient village Sizyabsk are in demand all over Russia]. *Respublika*, 2011, no. 48 (4445). Available from: <http://www.gazeta-respublika.ru/article.php/36160>
28. Bernshtam T.A. *Prikhodskaya zhizn' russkoy derevni: Ocherki po tserkovnoy etnografii* [Parish life of the Russian countryside: Essays on the ethnography of the church]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2005. 311 p.
29. Chuv'yurov A.A. *Vnekhamovye sluzhby komi pravoslavnogo sel'skogo naseleniya: molebny, pochitaemye sel'skie svyaty'ni, palomnichestva (traditsii i novatsii)* [Out-of-temple services of the Komi Orthodox rural population: prayers, revered rural shrines of pilgrimage (tradition and innovation)]. In: Belova O.V. (ed.) *"Staroe" i "novoe" v slavyanskoy i evreyskoy kul'turnoy traditsii* [The "old" and the "new" in Slavic and Jewish cultural tradition]. Moscow: Sefer, Slavic Studies Institute RAS Publ., 2012, pp. 282–313.
30. Suvorov E. Nesbyvsheesya prorochestvo [Unrealized prophecy]. *Vera (Eskom)*, 1999, no. 344. Available from: <http://www.rusvera.mrezha.ru/344/main.htm>
31. Chuv'yurov A., Smirnova O. Confessional Factor in the Ethno-Cultural Processes of the Upper-Vychegda Komi. *Pro Ethnologia*, 2003, 15, pp. 169–196.
32. Tsyngina A. Stefan Velikiy – sozdatel' komi alfavita [Stephen the Great - the founder of the Komi alphabet]. *Vyl' tuyod*, 1995, June.
33. Sharapov V.E., Vlasova V.V. Simvolicheskoe strukturirovanie prostranstva u sovremennykh pravoslavnykh komi [Symbolic structuring of space of modern Orthodox Komi]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2009, no. 4, pp. 45–49.

Received: 14 July 2014